

КОЛОСКОВА

Анна

ЗНАКОМЬТЕСЬ!

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

ВАША ДОЧЬ-Босс

Галина Колоскова

Знакомьтесь! Ваша дочь, босс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73057978

SelfPub; 2026

Аннотация

– Василиса?.. – обычно властный голос босса звучит глухо. – Что это значит?

Усмехаюсь, приподняв брови. Не отвечаю. Делаю два шага вперёд к закоренелому холостяку. Аккуратно ставлю автолюльку на начищенную до зеркального блеска столешницу. Ровно между хрустальной пепельницей и статуэткой быка – символа его непоколебимой финансовой мощи.

– Кондрат Евгеньевич, познакомьтесь, – говорю я, старательно растянув губы в улыбке. Голос звенит закалённой сталью, скопленной за долгие месяцы молчания. – Мой вам подарок от чистого сердца! Это Агния. Ваша дочь. Мне надоело в одиночку нести за неё ответственность. Пора и вам вступить в клуб «Бессонные ночи».

Мой босс разбил мне сердце, отказавшись от своих обещаний. Я выстояла и родила ребёнка от предателя.. Через год и два месяца я пришла в его офис не для себя, а чтоб отстоять права любимой малышки. И у меня есть план!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Галина Колоскова

Знакомьтесь!

Ваша дочь, босс

Пролог

Василиса

Сердце колотится в горле, отдаваясь глухим, неровным стуком в висках. Но снаружи я – ледяная скала спокойствия. Всё как учил босс, годами вгоняя меня в рамки секретарского этикета: «Василиса, эмоции – это роскошь, которую мы не можем себе позволить». Что ж, сегодня я последний раз следую его правилам. Снежной королевой плыву без записи на приём с самым эмоциональным отчётом моей жизни.

Вжимаю в хромовую панель кнопку лифта. Поднимаюсь на его этаж. Туда, где открывается вид на пол-Москвы. А воздух пахнет деньгами, властью и дорогим кожаным креслом, в котором восседает он. Кондрат Темнов. Мой бывший босс. Тёмная сторона моей репутации. Мимолётная страсть. И... отец моей дочери.

Агния сладко посапывает, одетая в розовый костюмчик, подарок подруги. Дыхание малышки ровное, беззаботное. Она не знает, что мы идём на войну. Её личное оружие –

бездонные голубые глаза, точь-в-точь как у папы. И пухлые щёчки с ямочками, которые я сейчас и выставлю щитом против его ярости.

Лифт чуть слышно гудит и останавливается, двери раздвигаются. Выхожу с лицом невозмутимой стервы на выгуле. Приёмная. Та, где я провела три года жизни. За моим бывшим столом сидит новая девочка, испуганная мышка, уставившаяся на меня широко раскрытыми глазами.

– Мне к Кондрату Евгеньевичу, – сообщаю голосом, не терпящим возражений. Таким, каким он когда-то требовал отвечать на звонки недовольных акционеров.

– Но... у него через минуту важнейший...

Не даю договорить ошалевшей от моей наглости бедняжке. Иду на словесный таран.

– Я и есть его важнейшее несанкционированное совещание, – перебиваю её и, не сбавляя шага, прохожу к массивной дубовой двери. – И я опаздываю.

Вхожу без стука. По старой памяти. По праву. Пусть скажет спасибо, что не бью в дверь ногой.

Он сидит за дубовым монументальным столом, уткнувшись в огромный монитор с бегущими котировками. Профиль Кондрата жёсткий, сосредоточенный. Он не смотрит на дверь, бросая раздражённое:

– Я сказал, никаких...

И замирает, почувствовав шлейф моих духов. Поднимает голову. Недовольный взгляд скользит по мне, ненадолго пре-

вращаясь в офигевший, заинтересованный – я специально надела коралловый костюм в тон одежды дочери. Когда-то он назвал его «убийственным», – и останавливается на корзине в моих руках. В ярко-голубых глазах – удивление, непонимание, лёгкая паника. Аналитического склада ума мозг сканирует ситуацию и выдаёт сбой. Прекрасно.

– Василиса?.. – обычно властный голос звучит глухо. – Что это значит?

Усмехаюсь, приподняв брови. Не отвечаю. Делаю два шага вперёд в сторону закоренелого холостяка. Аккуратно ставлю автолюльку на начищенную до зеркального блеска столешницу. Ровно между хрустальной пепельницей и статуэткой быка – символа его непоколебимой финансовой мощи. Розовые банты на корзине и голове дочери перекрывают обзор монитора. Котировки меркнут перед самым непредсказуемым активом в его жизни.

– Кондрат Евгеньевич, познакомьтесь, – говорю я, старательно растянув губы в улыбке. Голос звенит закалённой сталью, скопленной за долгие месяцы молчания. – Мой вам подарок от чистого сердца! Это Агния. Ваша дочь. Мне надоело в одиночку нести за неё ответственность. Баста. Капричио. Финита ля комедия. Пора и вам вступить в клуб «Бессонные ночи».

В кабинете повисает гнетущая тишина, настолько густая, что её можно резать ножом. Он сидит, вглядываясь в маленькое личико, выглядывающее из корзины. Его собствен-

ное лицо становится восковым, абсолютно нечитаемым.

– Почему я ничего о ней не знал? – босс хмурится, но меня ему не запугать.

Обидно. Знаю, что очень нравилась боссу. Для меня стало оскорблением его нежелание вспоминать и говорить о нашей близости. Он с недоумением смотрел на мой растущий живот и ни разу не поинтересовался, не его ли это ребёнок.

– По-видимому, вы считали, что живот мне ветром надуло?!

– Мы переспали с тобой один раз!

Показалось или я слышу в его возгласе сожаление? Обидно до слёз! Слова о любви и обещания были забыты им на утро, но я до сих пор всё помню. Походя прошёлся по влюблённой дурочке и думал, что ничего ему за это не будет? Тогда я смолчала. Гордость взяла верх над разбитой душой и надеждами. Сейчас понимаю, что поступила глупо. Я пришла не за своим благополучием, а за правом дочери.

– Этого раза не было бы, если бы вы не признались в любви и не пообещали, что мы всегда будем вместе. Вы делаете всегда и всё обстоятельно. Посмотрите на Агнию. Она ваша копия!

– Я был пьян и ничего не помню. Я не мог обещать этого сек...

Он не договаривает, но я всё понимаю. Про любовь принца к Золушке пишут в сказках. В реалии на провинциалках – секретаршах мужчины его статуса не женятся. И не важно,

что она пашет на тебя три года практически без выходных и нормированного рабочего дня.

Вижу, как шестерёнки в его голове пытаются провернуться, оценить ущерб, просчитать риски. Он тянется к стакану с водой. Длинные пальцы слегка дрожат. Никогда не видела босса в треморе. Приятный бонус.

В этот самый момент на столе начинает играть торжественную мелодию телефон. На экране всплывает название – «Джинлун Корп». Те самые китайские инвесторы, сделка с которыми должна вот-вот состояться.

Рука охреневшего от счастья папочки замирает в сантиметре от трубки.

И, как по заказу, умничка Агния именно в этот момент заявляет о собственном праве на мир бизнеса.

Она просыпается, морщит носик и издаёт требовательный, пронзительный крик. Не плач, а именно ультиматум. «Где моя еда? Немедленно!» Взгляд Кондрата мечется от телефона к орущему ребёнку на столе и ко мне. В округлившись глазах – отчаяние попавшего в капкан дикого зверя. Паника, которую он всегда так презирал в своих конкурентах.

Телефон звонит всё настойчивее. Агния орёт ещё громче. Симфония хаоса ласкает мой слух.

Он, не глядя, хватает трубку.

– Перенесите звонок на пятнадцать минут, – голос хриплый, но не терпящий возражений. – Нет, без объяснений. Пе-

ренесите!

Кондрат вешает трубку. Давит на кнопку внутренней связи:

– Елена, ни с кем не соединять!

Он смотрит на меня. Паника в глазах улетучивается, сменяясь ледяной решимостью, которую я так хорошо знаю. Босс принимает решение. Мгновенно. Как всегда.

– Хорошо, – говорит он, вставая. Большая тень накрывает нас с Агнией. – Всё. Ты победила. Хочешь, чтобы я нёс ответственность за дочь? Спускайся вниз. Садись в мою машину. Сейчас же. Водитель будет ждать у служебного входа.

Чувствую, как внутри всё сжимается. Это не та реакция, на которую я рассчитывала. Я ждала гнева, отрицания, может попытки откупиться. Но не стремительного, беспощадного захвата в плен.

– Что? – не понимаю, что он задумал, ошеломлённо хлопая ресницами. – Куда?

– На мою загородную виллу. Все вопросы решим там. Без свидетелей. Без лишних разговоров. Без вот этого, – он делает резкий жест в сторону всё ещё орущей Агнии. – Ты хотела моего участия? Ты его получишь. Полным объёмом! – Он хмурым взглядом прошёлся по моей напряжённой фигуре и почти прорычал, глядя в глаза: – Но на моих условиях и на моей территории. Сегодня возьмут материал на тест ДНК. Идём!

Он берет пиджак, накидывает на широкие плечи. Его дви-

жения резкие, отточенные. Уверена, Кондрат уже составил план отцовства. И даже просчитал возможный ущерб.

– Ты с ума сошёл? – выдыхаю я, опасаясь попасть в заточение. – У меня вещи внизу, коляска у главного входа...

– Купим новые. Всё, что угодно. Едем. Сейчас, – он решительно открывает дверь и смотрит на меня взглядом, не раз заставляющем трепетать вице-президентов. – Или ты передумала делиться ответственностью?

Это точно рассчитанный удар ниже пояса. Прижимаю к себе Агнию, почувствовавшую моё напряжение. Дочь затихает. Малышка точно копирует выражение лица отца, взирая на него голубыми глазами. Кажется я сделала вторую большую глупость в жизни. Дочь я ему не отдам!

– Я не позволю тебе запереть нас где-то... – от волнения перехожу на «ты».

Кондрат вздрагивает, встретившись взглядом с недовольно нахмурившейся малышкой.

– Я не запираю. Я обеспечиваю конфиденциальность, – поправляется он. – Для всех нас. Пока не разберёмся, что делать дальше. Ты сама начала эту партию, Василиса. Доигрывай. Или испугалась?

Его взгляд – вызов. Я точно знаю, что это ловушка. Но отступать уже поздно. Я сделала свой ход. Теперь его очередь.

– Хорошо, – говорю, гордо вздёргивая подбородок. – Но предупреждаю, условия содержания должны быть достойными! – Несу чушь, ощущая себя арестованной, и не могу оста-

новиться. – У ребёнка режим.

Уголок его рта дёргается. Кажется, это почти улыбка.
Хищная.

– Обеспечу первоклассный режим, – многообещающе рычит босс. —Как для самого ценного сотрудника. Идём!

Решил спрятать нас от людей? Пожалеет!

– Как скажете, босс, – роняю, поворачиваясь к выходу. – Но предупреждаю, у Агнии скоро время обеда. И у неё, в отличие от ваших партнёров, терпения совсем нет.

Он пропускает меня вперёд. Прохожу, цепко удерживая в руках наше будущее. Моё оружие. Мою бомбу замедленного действия.

Кто знал, что бурная ночь после корпоратива закончится моей беременностью? Агния в последствиях моей безответной любви к боссу точно не виновата! Скольким дурочкам, кроме меня, он запудрил мозги и разбил сердце? Но кто-то должен его остановить. Игра только началась. И ставки стали гораздо выше, чем я планировала.

Дверь закрывается, но я успеваю услышать первое «эхо» произошедшего. В тишине кабинета босса звенит испуганный голос из телефона: «Мистер Кондрат? У вас всё в порядке?»

Ухмыляюсь, мысленно потирая руки. Нет, Ли Линь. У Кондрата Темнова всё совсем не в порядке. Его жизнь только что превратилась в романтическую комедию с очень крикливым и дорогостоящим реквизитом. А он, на свою беду, не

успел прочитать сценарий.

Глава 1

Василиса

Стою посреди мавзолея из стекла, бетона и чьего-то большого воображения под названием «загородная вилла». Меня разбирает смех. Нет, правда. Надо было хорошо постараться – взять кучу денег и выстроить этакое царство бездушия. Полы блестят так, что я вижу в них своё отражение – чуть помятое, но довольное. Агния на руках хнычет, делия со мной неоднозначные впечатления. Врать детям нехорошо, говорю, как есть:

– Видишь, Агнюша – в этом весь твой папа. В натуральную величину. Холодный, блестящий и очень дорогой.

Она в ответ пускает пузырь. Одобряет.

Мой бывший босс, а ныне тюремщик, отдаёт какие-то приказы охране у крыльца. Властный голос гулко разносится под высокими потолками. Он пытается звучать грозно, но я-то знаю, что под дорогим пиджаком бьётся сердце перепуганного мальчишки, которого только что с головой накрыло отцовством.

– Никуда не выпускать! – бросает он через плечо, и два бугая в костюмах кивают с каменными лицами.

– Ой, Кондрат Евгеньевич, – кокетливо перебиваю его, – а выйти в садик, полюбоваться на ваши стриженные кусты в форме единорогов можно? Или это приравнивается к побе-

гу?

Он оборачивается. С удовлетворением наблюдаю в его глазах смесь ярости и растерянности, ради которой я всё и затевала.

– Василиса, – он произносит моё имя так, будто это не имя вовсе, а объявление о чрезвычайном положении, – сиди тихо. Не усложняй.

– Я всегда тихая, как мышь, – улыбаюсь во всю ширь белоснежного рта, хвалюсь работой любимого стоматолога. – Вы сами всегда говорили: «Василиса, ты подкрадываешься так тихо, что я пугаюсь». Помните?

Он что-то бормочет себе под нос и удаляется вглубь особняка, видимо, искать спасения в телефоне и рабочих письмах. А я отправляюсь на экскурсию.

Господи, это же надо! Золотые краны в ванной. В прямом смысле золотые. Я подношу к одному Агнию.

– Смотри, доча, – шепчу ей на ухо, – это то, ради чего твой папа пропадал на работе сутками, пока мама пыталась понять, она беременна или всё-таки нет.

Проходим в гостиную. Мебель белая, кожаная, стерильная. Прямо как в операционной. Я невольно прижимаю к себе Агнию – вдруг на этом диване доктор забыл пару скальпелей? Решаю, тут можно сидеть простым смертным или всё для показа? На стене висит картина – мазня абстракциониста, на покупку которой наверняка ушло денег, как на моё содержание за несколько лет.

– Нравится? – спрашиваю я у дочери. Поясняю: – Это инвестиция. В отличие от тебя. Ты, милая, для отца чистая статья расходов.

Она недовольно смотрит на цветную мазню и срыгивает. Принимаю это как художественную критику. Соглашаюсь:

– Ты совершенно права! Сухарь, женатый на своей работе и в быту – холодны лёд с непонятным вкусом.

Самое интересное начинается вечером. Моя тихая, спокойная девочка вдруг понимает, что её выдернули из уютной кровати и привезли в музей холодного великолепия. И ей это совершенно не нравится.

Она плачет. Не то чтобы очень громко, но с надрывом. С таким монотонным, нудным поскуливанием, высасывающим нервы из беспокойной души. Хожу с Агнией по богатой тюрьме, качаю, напеваю песенки, но она непреклонна. Малышке не нравятся эти стены. И я её понимаю.

Проходит час. Второй. Агния немного успокаивается, если гуляем по коридору недалеко от отца. Из кабинета доносится нервный стук по клавиатуре. Потом он стихает. Дверь приоткрывается, и в щели возникает Кондрат. Он уже без пиджака, галстук растрёпан, волосы встали дыбом.

– Она что, всё время будет орать? – спрашивает он, но в голосе не злость, а отчаяние. Не ярость холодного бесчувственного монстра, а нечто настоящее человеческое.

– Это не ор, – возражаю я мягко, – а громкое мнение по поводу интерьера. Агнии не нравится абстракционизм. Я же

говорила, она натура тонкая, чувствующая фальшь в любом проявлении.

Он подводит глаза в потолок. Напрасно. Скоро сам убедится, что я не вру.

– Не может же она плакать просто так!

– Может, – улыбаюсь в ответ. – У неё, знаете ли, ваш характер. Упрямый. Добьётся своего – успокоится.

Он смотрит на меня, потом на красное, сморщенное личико дочери. Я вижу, как в его глазах что-то происходит. Там появляется не раздражение. Не ярость. Что-то другое. Тревога. Щемящая, странная тревога, которую испытываешь, если не можешь помочь маленьким, беззащитным.

– Может, ей холодно? Или жарко? – вдруг предлагает он неуверенно.

– Возможно, ей не хватает папиного внимания, – парирую я. – Она его впервые живую видит. Испугалась.

Он замирает на пороге. словно я не ребёнка ему вручила, а живую гранату без чеки. Потом медленно, очень медленно делает шаг назад.

– У меня важный созвон... – начинает отмаз, но голос его срывается.

– Конечно, – киваю я, поворачиваюсь спиной, продолжая качать Агнию. – Мировые финансы никак не подождут. А то, что ваша дочь плачет в незнакомом месте – ерунда. Так и скажите своим китайцам.

Дверь в кабинет закрывается. Но не до конца. Остаётся

щель. И стук клавиатуры больше не возобновляется. Я знаю, что он стоит там. За дверью. Слушает. Впервые в жизни его идеально выстроенный мир даёт трещину. И сквозь неё пробивается тихий, назойливый плач его дочери.

А я довольно улыбаюсь в темноту. Первый ход сделан. Добро пожаловать в отцовство, Кондрат Евгеньевич. Оно только начинается.

Глава 2

Василиса

Утро в золотой клетке начинается с победного крика. Нет, не Агнии. Это я встала с постели с предчувствием, что сегодняшний день будет жарким. В прямом и переносном смысле. Агния, моя маленькая сообщница, мирно посапывает в дорогушей колыбельке, которую Кондрат, видимо в панике, заказал ночью через какой-нибудь «люкс-беби-шоп» с доставкой на вертолёт.

Спускаюсь вниз, на кухню, что больше похожа на павильон для съёмок кулинарного шоу. Хром, стекло, непонятные приборы, которые наверняка умеют делать молекулярную пенку из яйца, но вряд ли справятся с простой манной кашей. Прикидываю, какой из этих агрегатов можно использовать как оружие в случае переговоров.

И вот, слышу его шаги. Тяжёлые, уверенные. Он входит на кухню, уже облачённый в костюм, стоящий как годовая аренда моей квартиры. От босса пахнет дорогим парфюмом и непоколебимой уверенностью, что мир вращается вокруг его персоны. Эх, Кондрат, доброе утро. Сейчас мы это исправим. Пора переходить на «ты» и более свободное общение.

Он вещает, взирая на меня сверху.

– Я отпустил прислугу на неделю. Никаких лишних ушей

и глаз! Кофе, – говорит он тоном, не терпящим возражений, и устремляется к кофемашине, похожей на пульт управления звездолётом.

– Доброе утро, солнышко, – отвечаю сладчайшим голосом. – И тебе прекрасного дня. Спасибо, что поинтересовался, как мы поспали. Агния просто отлично, лишь пару раз просыпалась на перекус. А я... я подумала.

Кондрат замирает с чашкой в руке. Мощная спина напрягается под пиджаком. Он уже понял, что мой «думающий» режим для него опаснее, чем десять обвалов на бирже.

– О чём ты могла подумать? – спрашивает, не оборачиваясь, настороженным голосом.

– О правилах нашего... сосуществования, – говорю я, подходя ближе и беря со стола первую попавшуюся ложку. Она тяжёлая, холодная, очень солидная. Прямо как он. – Видишь ли, я не могу сидеть здесь взаперти, как украшение. Мне скучно. А когда мне скучно, я начинаю шалить. Например, могу позвонить твоим инвесторам и спросить, как у них дела с моральным обликом партнёров? Или написать в блог, как известный бизнесмен Кондрат Евгеньевич прячет от мира свою незаконнорожденную дочь.

Он медленно поворачивается. В голубых глазах – буря. Яркая, красивая, и очень-очень злая.

– Шутишь?

– Ни капли. У меня есть номер Ли Линя. И блог легко заведу, минут за пять. Я у тебя секретаршей была. Помнишь

конкурс из ста человек? Я очень умная женщина и всё умею.

Он ставит чашку с такой силой, что хрупкий фарфор издаёт жалобный звон.

– Чего ты хочешь, Василиса? Денег? Квартиру? Имя отца в свидетельстве о рождении? – В глазах решимость.

Но для моей цели он ещё не созрел.

– О, нет, – качаю головой, делая удивлённые глаза. – Я хочу справедливости. И развлечений. Поэтому вот моё условие.

Делаю паузу для драматизма. Поднимаю ложку, как скипетр.

– Хочешь, чтобы я сидела тут тихо, не сбежала и не устроила скандал, от которого твои акции упадут ниже плинтуса? Прекрасно. Тогда становись моим помощником. Моим личным стажёром по уходу за нашей общей дочерью.

Его лицо становится таким красноречивым, что я едва сдерживаю хохот. В нем борются ярость, недоумение, паника.

– Ты с ума сошла? Я? Нянька?! У меня бизнес, Василиса! Империя!

– А у меня – твой наследник, – парирую я. – Ты воспользовался доверчивостью влюблённой девушки, напоил, оболстил, а потом уволил, ничем не обеспечив будущего ребёнка! И пока твоя империя не рухнула из-за одного звонка обиженной секретарши, советую согласиться. Это не обсуждается. Это ультиматум. С пустышкой.

Он рычит, понимая, что на моей стороне ДНК ребёнка и полуправда, которую ему не опровергнуть.

– Я тебя не увольнял, ты ушла в декрет!

Смеюсь:

– Значит, с остальным ты согласен? – насмешливо вскидываю бровь. – Хотя какое это имеет значение? Китайцы очень щепетильны к любым скандалам.

Он молчит. Я вижу, как в его голове проносятся расчёты, оценки рисков, варианты ответных ходов. Он смотрит на меня, на ложку в моей руке, за окно, где стоит его охрана. Ловлю точный момент, когда он понимает – я не блефую. И что скандал с «брошенной матерью-одиночкой» для его безупречной репутации смертельней, чем любая битва с конкурентами.

– Что... что именно я должен буду делать? – наконец произносит Кондрат.

В моей душе гул оваций. Он уже сломлен. Остальное – дело техники.

– О, ничего сложного! – восклицаю я, с радостью хлопая в ладоши. – Для начала – поддержишь ребёнка. Пока я буду готовить смесь.

Подхожу к колыбельке и беру на руки сладко спящую Агнию. Она тёплая, мягкая, пахнет молочком и невинностью. Несу её к Кондрату.

Он замирает, как будто я протягиваю ему не дочь, а живую гранату. Его руки инстинктивно поднимаются, но видно, что

он боится к ней прикоснуться, уронить, сделать больно.

– Ну же, – подбадриваю я его. – Она не фарфоровая. Не разобьётся. Одной рукой поддерживай голову, вот так. Да, именно. Молодец.

Он берет её. Большие, сильные руки, привыкшие сжимать дорогую ручку и листать контракты, неуверенно обнимают маленькую, хрупкую девочку. Он держит её на почтительном расстоянии от безупречного костюма. Лицо Кондрата абсолютно потерянное.

Агния, почувствовав новую, незнакомую энергию, шевелится во сне и издаёт тихий звук. Кондрат вздрагивает, смотрит на меня с неммым ужасом.

– Она просыпается?

– Нет. Наверное, дочери снится как ты пытаешься избежать алиментов, – успокаиваю я его и поворачиваюсь к стерильной блендерной установке, которая должна стать молочной кухней.

Я слышу за спиной его тяжёлое, прерывистое дыхание. Слышу, как он пытается перехватить Агнию поудобнее. Это самое дорогое художественное действие которое я когда-либо видела – могущественный Кондрат Евгеньевич, застывший посреди стерильной кухни с младенцем на руках. Выражение лица бизнесмена, как у преступника, пойманного с поличным.

– Василиса, – говорит он тихо, почти шёпотом, чтобы не разбудить дочь. – Я не могу так долго. У меня через десять

минут...

– Никуда ты не денешься, – перебиваю я, весело насыпая смесь в бутылочку. – Твоё первое задание – продержаться пять минут. Это тест на профпригодность. Если справишься, может, потом доверю тебе погремушкой потрясти.

Я оборачиваюсь. Он стоит, не двигаясь. Смотрит на личико спящей дочери. В голубых глазах уже нет ярости. Там появляется нечто другое. Любопытство. Осторожное, невероятное удивление. Кондрат видит длинные чёрные реснички, пухлые щеки, крошечные пальцы, сжатые в кулачки.

Он только что подписал самый унижительный договор в своей жизни. Но по всему видно, что первые пункты этого контракта уже начинают его... цеплять.

Я помешиваю смесь и тихо улыбаюсь. Война только началась, дорогой босс. Главное оружие у меня на руках. Вернее, сейчас оно спит на твоих.

Глава 3

Василиса

Мой личный стажёр делает первые шаги в мир отцовства. Или спотыкается на пути в этот мир. Как посмотреть. После пяти минут стояния со счастливо спящей Агнией на руках, в Кондрате, кажется, проснулась отеческая жилка. Или ему надоело стоять, и он решил перейти к активным действиям. Опасное решение.

– Дай-ка, – двигает он меня, заявляя тоном, которым обычно предлагает выкупить акции мелкого партнёра: – Я сам приготовлю смесь.

Зря он не считает меня сейчас главной. Смотрю на идеальные манжеты, дорогую ткань пиджака, не знавшую пятен, кроме брызг шампанского на успешной сделке. Во мне просыпается не только материнский инстинкт, но и здоровое чувство садизма.

– Конечно, – соглашаюсь я, сладко улыбаясь. Протягивая ему бутылочку и мерную ложечку. – Только аккуратнее. Вода должна быть строго сорок градусов. Не кипяток, чтобы не убить все витамины, и не холодная, чтобы не вздуть детские животики. Контролируй температуру запястьем, это точнее.

Он принимает атрибуты как артефакты неведомой цивилизации. Мерная ложка кажется ему смехотворно маленькой, а бутылочка – подозрительно хлипкой.

– Запястьем? – переспрашивает Кондрат, разглядывая безупречный манжет костюма.

– Ну да. Или можешь купить специальный термометр с единорогами, – предлагаю я. – Он мило светится.

Босс фыркает и поворачивается к умному чайнику с дисплеем, показывающему температуру с точностью до сотых градуса. Видимо, считает запястье инструментом плебеев.

Я устраиваюсь на барном стуле поудобнее, подпираю подбородок рукой и готовлюсь к спектаклю. Агния в корзине-переноске начинает проявлять признаки интереса к происходящему. Она проснулась и смотрит на папу большими глазами, словно предчувствуя надвигающийся бардак.

Кондрат сосредоточенно изучает инструкцию на банке со смесью. Густые брови сведены у переносицы, рельефные губы поджаты.

– Две ложки на сто двадцать миллилитров, – бормочет он себе под нос. – Взболтать до полного растворения. Не встряхивать.

– Главное – не трясти, – подсказываю я душевным голосом. – А то наглотается Агния воздуха, потом газики будут. Ты же не хочешь ночных серенад?

Он бросает на меня взгляд, полный немого возмущения, но кивает. Берёт бутылочку, засыпает порошок. Все бы хорошо, но он делает это с такой концентрацией усилий, будто закладывает взрывчатку. Руки напряжены. Кондрат забывает, что пластик – гибкий.

Он заливает воду, закрывает бутылочку и начинает... нет, не взбалтывать. Начинает её сжимать. Сначала осторожно, потом, видя, что комки не растворяются, с большим напором.

– Кондрат, милый, нет, – не выдерживаю я, но уже поздно.

Из отверстия соски под давлением вырывается белоснежный фонтан. Прямо ему на грудь. На идеальный темно-синий костюм от известного кутюрье. Молочная пенка радостно растекается по дорогой ткани, впитываясь в неё с утробными звуками удовольствия.

Он замирает с бутылочкой в руке. С немым ужасом смотрит то на дочь, то на пятно. Лицо бизнесмена – комедийный шедевр. В нем смешались шок, неверие и чистейшая ярость. Агния вдруг издаёт звук – нечто среднее между агуканьем и смешком. Я готова поклясться, она смеётся над папой.

– Поздравляю, – говорю я, стараясь сохранять серьёзность. – Ты только что прошёл обряд посвящения. Теперь ты настоящий родитель, – невольно кидаю взгляд на расплывающееся молочное озеро, – со всеми вытекающими. В прямом смысле.

Кондрат медленно, очень медленно, ставит бутылочку на стол. Длинные пальцы сжимаются в кулаки. Он смотрит на пятно, словно ожидая, что оно исчезнет под гневным взглядом. Ага, счас! Оно сияет белым цветом.

В этот самый момент, словно по заказу злого режиссёра, раздаётся звонок его телефона. Звонок партнёра, от которо-

го зависит очень многое.

– Алло! Иван Петрович? – говорит он, пытаясь вложить в голос привычную уверенность. Но получается хриплый надрыв.

Я, с Агнией на руках, подхожу ближе. Она, заряженная энергией хаоса, начинает весело гулить, тянет ручки к смартфону.

– Да-да, я вас слушаю, – продолжает Кондрат, отчаянно пытаясь не смотреть на молочную метку. – По поводу тендера... мы, конечно, готовы предложить...

– Не тряси бутылочку, – говорю я ему тихим, заботливым шёпотом, который идеально доносится до микрофона. – А то срыгнёт потом. Фонтаном.

Кондрат закатывает глаза к потолку, словно надеется найти там спасение. Иван Петрович на том конце провода замолкает.

– Кондрат Евгеньевич, у вас... всё в порядке? – раздаётся в трубке озадаченный голос.

– Да-да, абсолютно! – почти выкрикивает Кондрат. – Это просто... телевизор работает. Кулинарное шоу.

– Агу-гу-га! – весело вставляет Агния, решив поучаствовать в разговоре.

– Детское, – моментально находится Кондрат, и на его лбу проступает испарина. – Детское кулинарное шоу. Очень популярное. «Кашка для крошки».

Я не могу сдержать тихий смешок. Кондрат бросает на ме-

ня взгляд полный смертоубийства.

– Так вот, по поводу спецификации, – он пытается вернуться к деловому тону, но голос срывается, когда он невольно проводит рукой по пиджаку, попадая пальцами в липкую влагу. – Мы предусмотрели...

– Температуру проверь, – снова шепчу я, подсовывая ему под нос термометр для детской кухни в виде жирафа. – А то малышка обожжёт ротик. Будешь потом на руках её носить всю ночь.

Кондрат делает движение, словно хочет швырнуть смартфон об стену. Но он же профессионал. Он дышит глубже.

– Иван Петрович, я вам перезвоню через пять минут, – выдавливает он из себя. – Возникла небольшая... техническая неполадка.

– С молоком? – доносится из трубки озадаченный вопрос.

– Именно, – хрипит Кондрат и с силой нажимает на кнопку сброса.

Наступает угрожающая тишина. Кондрат замирает посреди кухни, в испорченном дорогом костюме, с лицом, побагровевшим от бессильной ярости. В воздухе пахнет детской смесью и крахом репутации хозяина дома.

Я подхожу, беру со стола злополучную бутылочку. Аккуратно капаю себе на запястье.

– Нормальная температура, – констатирую с жизнеутверждающими нотками в голосе. – Молодец. С заданием справился. Почти.

Он молча срывает пиджак и швыряет на пол. Кажется, босс никогда в жизни не был настолько унижен.

– Убирайся, – говорит он тихо, но с такой силой, что стены вздрагивают.

Хочет избавиться от меня на самом интересном месте? Зря старается! Месть за разбитое сердце в самом начале.

– Куда? – удивлённо вскидываю брови. – Мы с Агнией в заключении. Помнишь? Ты приказал охране никуда нас не выпускать. Так что придётся тебе терпеть. И учиться... – Я осторожно перешагиваю через предмет его гардероба. – Следующее задание – постирать этот пиджак. Вручную. Чтобы не сел. Он слишком дорогой.

Знаю, что охранник унесёт дорожную шмотку в чистку. Но это не важно.

Я поворачиваюсь и ухожу. Уношу с собой довольную дочь, которая наконец-то получила бутылочку. Оставляю за спиной поверженного титана. Воздух мести пахнет молоком и победой. Не его победой. А нашей.

Глава 4

Василиса

Тишина в нашем роскошном зоопарке длится ровно до обеда. Кондрат меняет испорченный пиджак на новый, чуть менее идеальный. Он запирается в кабинете, пытаюсь восстановить перед Иваном Петровичем подорванный молочным фонтаном авторитет. Я наслаждаюсь затишьем, разглядывая абстракцию на стене, и пытаюсь понять, не напоминает ли она срыгнутую Агнией манную кашу.

И тут тишину разрывает трезвон домофона. Не мягкий, вежливый звонок, что извещает о доставке суши. А настойчивый, требовательный, полный уверенности, что его ждут. Выскакиваю в коридор, предчувствуя, что визит незнакомца сыграет мне на руку. Главное вовремя подслушать и подсмотреть.

Кондрат в кабинете коротко говорит с охраной. Судя по грохоту упавшей в кабинете трубки, он явно не ожидал внезапного гостя. Едва успеваю скрыться в первой попавшейся комнате.

Через секунду побледневший хозяин дома появляется в дверях гостиной.

– Это Шрёдер, – прошипел он, словно произнося имя демона из преисподней. – Герман Шрёдер... Инвестор. Он никогда не приезжает без предупреждения!

Пожимаю плечами. Для меня, чем больше свидетелей присутствия нас с Агнией в жизни босса, тем лучше.

– Может, возникла срочная необходимость? – предполагаю я, не отрываясь от созерцания картины с его испугом. – Узнал о твоём внебрачном ребёнке, например. Или произошёл внезапный прорыв в мировой экономике. А ты сидишь взаперти с двумя арестантками и не в курсе?

– Спрячься на втором этаже! – командует он, совершенно не слушая моих возражений.

Тяжёлые шаги в коридоре подсказывают, что с игрой в партизаны мы чуть припоздали. Взгляд Кондрата мечется по комнате, выискивая укрытие для меня и Агнии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.